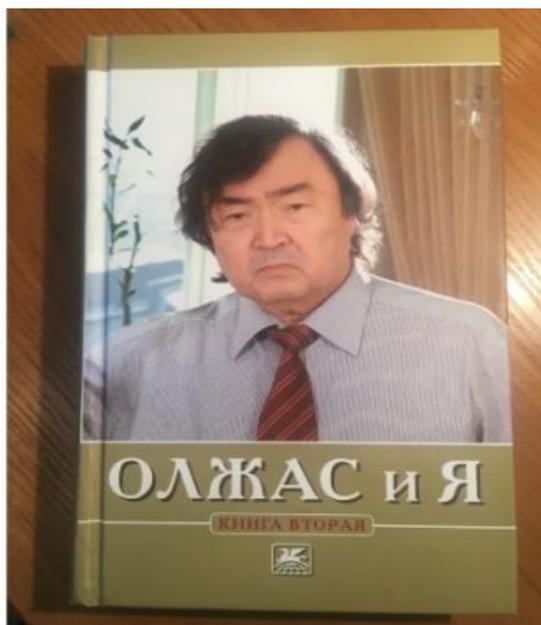

Титаны Возрождения

К 80-летию выдающегося казахского поэта, общественного деятеля Олжаса Сулейменова московским издательством «Художественная литература» выпущен сборник «Олжас и Я. Книга вторая». Как сказано в аннотации, «данное издание можно считать логическим продолжением выпущенной два года назад книги «Олжас и Я». В первой книге своими мыслями о нашем великом современнике Олжасе Сулейменове поделились друзья и коллеги писателя, проживающие за пределами Казахстана. В сборник «Олжас и Я. Книга вторая» вошли в основном высказывания и размышления государственных и общественных деятелей, представителей научной и творческой элиты, прозаиков и поэтов Казахстана о творчестве и личности О. Сулейменова». Книга, составленная Ермеком Алдановым, открывается статьей видного литературоведа, доктора филологических наук Сауытбека Абдрахманова, которую мы сегодня предлагаем вниманию наших читателей.

Авторские антологии поэзии в мире давно известны. Из более близких нам десятилетий можно вспомнить однотомную антологию французской поэзии, составленную Жоржем Помпиду, и многотомную антологию русской поэзии «Строфы века» Евгения Евтушенко. Изданный мною в 2007 году двухтомник «Жиырмасыншы ғасыр жырлайды» («Лири двадцатого века») стал первой авторской антологией в казахской литературе. В газетной версии антологии раздел, составленный из стихов Олжаса Сулейменова, предваряет следующая аннотация.

«В мире немало примеров авторов, которые писали на языке другого народа и стали яркими представителями его национальной литературы. Например, молдаванин Антиох Кантемир считается одним из тех, кто стоял у начала русской поэзии, поляк Юзеф Теодор Конрад Коженевский под именем Джозефа Конрада известен как выдающийся английский поэт, еще

один поляк Вильгельм Аполлинарий Костровицкий прославил французскую поэзию под именем Гийома Аполлинера, творчество украинца Николая Васильевича Гоголя представляет собой великую гордость русской прозы. Также достоянием русской литературы являются творения Булата Окуджавы и Фазиля Искандера... Тем не менее даже если так об этом твердит классическое понимание сути национальной литературы, никто не относит стихи Олжаса Сулейменова к произведениям русской литературы. Все согласны с тем, что Олжас – казахский поэт, творящий на русском языке. А все потому, что его стихи пронизаны древними кыпчакскими мотивами, ярким казахским колоритом, свойством увидеть явления мира именно глазами казаха, все его многогранное творчество пропитано истинно бунтарским духом свободолюбивого сына Алаша. Даже сам серый кардинал Суслов, вытеснивший из «Нового мира», фактически сведший годом позже на свет иной великого поэта и великого редактора Твардовского, не смог сломать Сулейменова. Подобно тому, как писал он в своем стихотворении, посвященном другу-поэту Андрею Вознесенскому («Я хожу по степи не сгибаясь, как указательный палец (указательный палец сгибается только курком). Это кажется мне: Аз и Я – Азия, ошибаюсь: мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом»), так и поэзия Олжаса переходит с нами, повернувшись наконец лицом к самим себе, из века прошлого в век настоящий.

Мы, казахи, должны помнить и о еще об одной важной роли Олжаса Сулейменова в судьбе нашего народа в XX веке. Он, ворвавшись своим дебютным сборником «Аргамачи» в негласную, но вполне реальную для советского времени конкуренцию среди республик Союза, «заставил» всех признать духовную мощь народа («Так вот какие бывают казахи») и уважать нас».

С тех пор как были написаны эти строки, прошло более десяти лет.

Олжасу Омаровичу Сулейменову исполнилось 80... В это, конечно же, сложно поверить. Кажется, что это было вчера, когда мы связывали его имя с казахской фразой «ол жас» («Ол» – «он», «жас» – «молодой»). Время – оно такое. Неостановимое.

Кстати говоря, о его имени стоит упомянуть еще в связи с одним обстоятельством. В 2010 году я взял обстоятельное интервью у Олжаса Омаровича, занявшее две газетные полосы. Тогда поэт сказал следующее: «Конечно, как казах, я уже в юности хорошо знал свое шежире (родословную) до седьмого колена. Могу смело заявить, что все присущие мне качества от предков. В моем роду было много поэтов, певцов, батыров. Один из них – Жаяу Муса. Мой предок в седьмом колене – знаменитый Олжабай-батыр. Да и отец нарек меня этим именем в его честь. Как имя Ибрагим превратилось в Абая, Абдрахман – в Абиша, Канафия – в Каныша, так и имя Олжабай перешло в Олжаса».

Абиш был любимым сыном нашего великого поэта Абая Кунанбаева, Каныш – знаменитый геолог, академик, лауреат Ленинской премии Каныш Сатпаев. У казахов немало случаев, когда уменьшительно-ласкательные

обращения превращались в полноправные имена. Вот уже полстолетия тысячи людей у нас нарекают своих сыновей Олжасами.

Для казахов Олжас – это общенациональное богатство. Само первоначальное его имя составлено из слов «олжа» (добыча) и «бай» (богатый, зажиточный, с достатком). В лице Олжаса наш народ действительно удостоился счастливой добычи.

И не только наш, пожалуй. Олжас Сулейменов – один из тех, чье имя можно назвать в ответ на вопрос об интеллектуальном вкладе советского общества в духовную сокровищницу всего человечества.

Сам я стал свидетелем феноменальной славы поэта после выхода его знаменитой книги «Аз и Я». Тогда я учился на последнем курсе университета. Это событие стало как гром среди ясного неба. Все только и говорили о нем.

Не знаю, правда или нет, но известный журналист Геннадий Толмачев, работавший тогда заведующим редакцией издательства «Жазушы», выпустившего скандально известную книгу, в своей статье «Буря над книгой» пишет следующее: «В моем архиве есть неподражаемое «объявление», сорванное со столба в Баку: «Меняю автомобиль «Москвич» на книгу Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Даже если такого в действительности и не было, все равно слава этой книги достигла небывалых высот. Планетарный масштаб мышления поэта, которому тогда не исполнилось еще и сорока, поразил очень многих. Многогранность качеств, проявленных автором «Аз и Я», в своей статье «Осененный выдохом вечности – словом», написанной в 1976 году, но так и не опубликованной в те годы, один из наших известных интеллектуалов Мурат Ауэзов (сын Мухтара Ауэзова) сумел выразить в предложении: «О. Сулейменов представлен в ней многолико, и простое перечисление его проявлений потребовало бы множества специальных гнезд: в одном – славист, тюрколог, шумеролог; в другом – историк, лингвист, литературовед, философ; в третьем – этнограф, палеограф, знаток летописей, в четвертом – поэт, драматург, публицист, в особой графе – гражданин, общественный деятель и т. д.». С этой точки зрения, Олжас Сулейменов и в самом деле напоминает мне титанов Возрождения.

В одной из статей журнала «Проблемы коммунизма» образца 1986 года «Аз и Я» была названа в числе пяти книг, подготовивших благоприятную почву для изменения нашего сознания накануне демократических реформ в советском обществе. На первый взгляд, посвященный «Слову о полку Игореве» чисто филологический труд вряд ли мог повлиять на что-либо за пределами круга любителей истории и литературы. Но здесь дело в другом. Книга Олжаса всколыхнула общественное самосознание. Она учила думать иначе, говорить смелее и писать острее. Показала, что слово может точить даже фундамент целой системы. Доказала, что правда куется в открытой полемике. Продемонстрировала пример открытого противостояния общепризнанным авторитетам. Как говорил выдающийся казахский ученый Ахмет Байтурсынов, «тем, что Маркс так сказал, меня не остановишь», так и

Олжас Сулейменов, несмотря на то, что не написал не то что докторской, но и кандидатской диссертации ни в одной из затронутых им сфер, да что там, не напечатал ни одной статьи в научных журналах тех отраслей, не отступил от открытого спора с академическими «зубрами». Не будет преувеличением сказать, что на примере Олжаса Сулейменова выросла общественная активность интеллигенции в масштабах всей огромной страны.

Есть еще одно обстоятельство, о котором не многие говорят. В тот период, когда и ЦК КПСС взял его в оборот, и большая группа ученых ополчилась против него («Дилетант из Казахстана посягнул на русское «Слово»?»), а многие даже буквально заклеили книгу как «открытое проявление национализма», тот факт, что автор «Аз и Я» не только уцелел, но даже и был избран в ЦК Компартии своей республики, стал депутатом ее Верховного Совета, наглядно продемонстрировал широкой общественности, что в жизни нашей страны происходили все же определенные изменения к лучшему, посеял надежду на то, что демократические процессы, разворачивавшиеся по всему миру, в конце концов не обойдут стороной и Советский Союз.

Книга Олжаса Сулейменова вдохновляла думающих людей, призывала быть более смелыми. Накапливавшиеся годами проблемы выливались в обсуждения, которые выходили за пределы литературы, истории и культуры, постепенно затрагивая и политические категории. Действительно, немного было тех, кто с таким азартом и такой убедительностью мог тогда говорить об истинном равенстве народов. Трудно оценить это лучше, чем это сделал Евгений Евтушенко: «Он не только стал духовным аристократом степи, показав, какой она была в лучших ее людях, даже не знавших иностранных языков, зато умевших разговаривать с ковылем или перекати-полем, со своими лошадьми, понимавшими их с полуслова. Но он показал собой, какими могут быть казахи всемирного полета, каким он стал сам, обладая мышлением не только узко планетарным, а земшарным. Он, взломав привычные рамки того, что будто только русские принесли культуру в Азию Российской империи, убедительно показал, что русские очень многому в Азии научились – и лингвистически, и философски, что, впрочем, неразделимо, и написал дерзкую мощную поэму в прозе «Аз и Я», вызвав бешенство поклонников теории и практики «старшебратизма», заменив его несокрушимой верой в будущее как в равное братство всех культур. Это было его подвигом». Именно так.

Более сорока лет тому назад, само обсуждение того, что сегодня является утвердившимися постулатами, требовало недюжинного гражданского мужества. Это сейчас подобные исследования рассматриваются в ряду обычных литературоведческих, филологических изысканий.

В связи с этим приведу пример из своего опыта. В 2006 году на международной научно-практической конференции, организованной Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова и посвященной Году Пушкина в Казахстане и Году Абая в России, я выступил с докладом о

тюркизмах в произведениях Пушкина. В перерыве ко мне обратилась журналист «31 канала». Задает вопрос: «Вы не испытывали робости, когда решили исследовать эту тему?» «Конечно, испытывал», – отвечаю я. – Потому как до этого специально не занимался вопросами этимологии. Когда читал произведения великого поэта – а читал я всегда с карандашом – помечал встречавшиеся слова тюркского происхождения. Постепенно я убедился в том, что таких слов у Пушкина немало. Впоследствии решил привести их в систему и изложить отдельно. Сегодняшний доклад – не исследование ученого-филолога, а своеобразный взгляд литератора на тему, которая до этого оставалась вне внимания».

Но, оказывается, журналист имела в виду контекст политический.

«Нет, я о другом. Ведь в свое время Олжас Сулейменов, попытавшись исследовать тюркизмы в русском языке, был втянут в большой скандал...»

Вообще-то, готовясь к докладу, я и не допускал мысли, что это может быть связано с определенным риском. Видимо, отсутствие подобного беспокойства – тоже один из признаков нынешнего свободного сознания. А ведь этой свободе в известной мере мы обязаны и Олжасу Сулейменову.

Кстати, за то исследование о тюркизмах в произведениях Пушкина я был удостоен медали «Ревнителю просвещения» Академии российской словесности, за что благодарен Олжасу Омаровичу, который конкретно показал неоспоримое преимущество литературоведа-билингвиста.

Здесь можно бы привести выдержку из интервью Валерия Ганичева, данного мне несколько лет назад. Думаю, там есть интересное наблюдение о тюркизмах в «Слове».

«– Что вас связывает с казахской литературой?»

– Я знал многих казахских писателей лично. Знаком с замечательными творениями Ауэзова, Нурпеисова. В «Молодой гвардии» издавался Кекильбаев. На встрече с Шолоховым в Вешенской присутствовал молодой тогда Олжас Сулейменов. У Олжаса тогда еще была шумливая слава. Он стоял в одном ряду с такими поэтами, как Евтушенко, Вознесенский, Рождественский. Хотя у него и есть книга, о которой сейчас особо не хочется вспоминать, – «Аз и Я». Книга с рядом не совпадающих с официальной точкой зрения взглядов, возможно, с нераскрытыми фактами. Но это было интересно. Ведь в это же время Гумилев тоже обращался к роли Степи в отечественной истории.

– С годами у вас изменилось отношение к книге «Аз и Я»?

– Я думаю, что да. Пожалуй, более осторожное с точки зрения, так сказать, осуждения, но и более интересное с точки зрения того, что надо учитывать какие-то моменты. Да и жесткие были тогда рамки разрешенного по идеологическим и историческим вопросам. В то же время, осуждая эти идеологические рамки, все-таки можно сказать, что они создавали некое единство. Духовное единство наших народов.

– Вот даже наличие этих тюркизмов в «Слове» можно ведь интерпретировать как пример близости наших народов еще в стародавние времена...

– Вполне. А почему бы и нет?»

Действительно, почему бы и нет?.. Ведь очевидно же, что в языках народов, испокон веков проживавших по соседству на евразийском пространстве, не могло не быть подобных взаимопроникновений. Ведь писал же Сергей Марков: «В бессмертном «Слове о полку»,/Как буйная трава,/Вросли в славянскую строку/Кипчакские слова». И это прекрасно! Вот что имел в виду Олжас. Вот что нас объединяет. Именно поэтому тот же Сергей Марков задолго до появления книги «Аз и Я» предрек: «Еще напишет в добрый час/О пламенной строке/Мой юный друг – кыпчак Олжас –/На русском языке!» Написал. И как написал! Феноменальность олжасовского прочтения великого памятника древнерусской литературы заключается и в том, что он стал первым двуязычным исследователем «Слова».

Перечитывая его стихотворения, не устаешь вновь и вновь поражаться подтекстам, заложенным в них автором. Так, например, вот в этом.

*Вблизи Чингизских гор его могила,
Исколотая желтыми цветами;
Голодными, немилыми, нагими
К могиле приходили на свидание.
И пили, усмехаясь, горечь песен,
И, колыхаясь, колебались травы,
Цветы желтеют грустно,
Как отравы...*

Вблизи Чингизских гор его могила.

Вблизи Чингизских гор находится могила Абая. Там же находился крупнейший в мире Семипалатинский ядерный полигон. Туда же приходили молодые на свидание. И пили. В тех краях тогда почти все пили. Радиация. «Цветы желтеют грустно, как отравы...» Стихотворение написано в 1962 году. Уже тринадцать лет велись и подземные, и наземные испытания.

А когда настал час испытания, когда последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, стало распространение в атмосферу радиоактивных веществ после очередного взрыва в феврале 1989 года, Олжас Сулейменов, потомок батыра Олжабая, возглавил антиядерное движение «Невада–Семипалатинск». Оно оказало мощную поддержку Нурсултану Назарбаеву, закрывшему своим Указом ядерный полигон, несмотря на мощное давление военного лобби в Кремле.

В свое время я, возглавляя главную казахскоязычную газету страны «Егемен Қазақстан», в 2015 году готовил к печати книгу-интервью Президента Казахстана «Вехи жизни», где в разделе «Избавление от ядерного монстра» Нурсултан Абишевич сказал следующее: «Активность движения «Невада–Семей», личный высокий авторитет Олжаса Сулейменова существенно помогли мне направить общественное мнение в республике на подготовку закрытия Семипалатинского ядерного полигона. Слова Олжаса «мы думали, что на нашей земле царит мир, но оказывается, более сорока лет там идет война. Название этой войны – тихая атомная война против

собственного народа...» передавали, пусть с присущей поэту эмоциональностью, но суть дела».

Проявлением высшей справедливости и общенародным признанием исторических заслуг выдающегося сына земли казахской, человека, прославившего на весь мир свой народ, стало присвоение Олжасу Омаровичу Сулейменову Указом Президента страны от 17 мая 2016 года высшей степени отличия независимого государства – звания «Қазақстанның Еңбек Ері» (Герой Труда Казахстана).

Да, он – Ер. Истинный. Во всех отношениях.

Сауытбек Абдрахманов